

П. Л. ЛАВРОВ И ЕГО КОРРЕСПОНДЕНТЫ

I. ИЗ НЕИЗДАННОЙ ПЕРЕПИСКИ П. Л. ЛАВРОВА И Г. З. ЕЛИСЕЕВА

Вступительная статья и комментарии Ф. Витязева

I

Переписка между П. Л. Лавровым и Г. З. Елисеевым несомненно представляет большой общественный и литературный интерес. Объясняется это прежде всего той крупной ролью, какую играли сами корреспонденты. Елисеев, например, свыше 20 лет занимал одно из первых мест в русской журналистике. Редактор «Современника» и «Отечественных Записок», ближайший помощник сначала Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова, а затем Н. А. Некрасова и М. Е. Салтыкова — Елисеев не мог не быть одной из центральных фигур в нашей литературе 60-х и 70-х годов. В свою очередь, П. Л. Лавров являлся после А. И. Герцена крупнейшим русским эмигрантом. На протяжении 30 лет он был одним из самых видных представителей русской революционной нелегальной печати. Уже одно простое сопоставление этих двух имен сразу наводит на мысль о большой общественной значимости их переписки.

Значение ее усугубляется еще тем обстоятельством, что в нашей биографической литературе почти совсем не разработан вопрос о взаимоотношениях Лаврова и Елисеева. В этой области мы знаем очень немного. Нам известно только, что они были в очень дружеских отношениях, что эта дружба началась еще в 60-х годах, что через Елисеева осуществлялось главным образом сотрудничество Лаврова в «Отечественных Записках», что, наконец, Елисеев довольно часто имел свидания с Лавровым во время своих летних поездок за границу. Но нам совершенно неизвестна вся закулисная сторона сотрудничества Лаврова в «Отечественных Записках». Мы ничего не знаем о характере их взаимоотношений во время заграничных свиданий. Целый ряд крайне любопытных моментов, относящихся к этим заграничным встречам, до сих пор еще не освещен. Так например, совершенно не выяснены отношения Елисеева к журналу «Вперед», к «Вестнику Народной Воли», и к целому ряду индивидуальных выступлений Лаврова. Все эти вопросы за отсутствием документированного материала в настоящее время вряд ли могут быть освещены с надлежащей полнотой.

Публикуемая нами переписка до некоторой степени приоткрывает завесу над взаимоотношениями Лаврова и Елисеева. Она несомненно дает целый ряд новых и притом крайне любопытных материалов для их характеристики. Биографические же моменты, освещаемые настоящей перепиской, настолько значительны и интересны, что на них необходимо остановиться несколько подробнее.

II

Три первых письма относятся к сотрудничеству Лаврова в «Отечественных Записках» и имеют большое значение для истории этого журнала. Они прежде всего документально подтверждают, что сотрудничество Лаврова в этом журнале осуществлялось главным образом через Елисеева. Повидимому, Елисеев был единственным членом редакции «Отечественных Записок», который всецело взял на себя риск по переписке и сношению с Лавровым. Два других члена редакции — Н. А. Некрасов и М. Е.

Салтыков, как известно, менее всего были склонны поддерживать личные сношения с эмигрантами и в частности с Лавровым.

Из этих писем особенно интересно второе письмо, посвященное конфликту между Лавровым и «Отечественными Записками». Этот печальный инцидент произошел исключительно из-за задержки журналом следуемого Лаврову гонорара. Как видно из письма Елисеева, здесь менее всего была виновата редакция «Отечественных Записок». Инцидент возник из-за ненормальности сношений с Лавровым. Как известно, все расчеты его с редакцией по конспиративным соображениям происходили через разных «подставных» лиц. В этом отношении Лавров действовал чрезвычайно широко и быть может даже не совсем осторожно. Во всяком случае число его «посредников» дошло, по свидетельству Елисеева, чуть ли не до «десяти человек». Уже одно это обстоятельство могло спутать все расчеты с редакцией. С другой стороны, вопрос еще осложнялся трудностью почтовых сношений с Лавровым в 1870—1871 гг. Франко-прусская война, события Парижской коммуны, внезапные переезды Лаврова из Парижа в Брюссель и Лондон — все это вместе взятое еще больше усугубило создавшееся положение. Между тем, для Лаврова своевременное получение гонорара имело очень большое значение в связи с тяжелым материальным положением, в каком он находился в первые годы своей эмиграции.

Создавшаяся конъюнктура не могла не явиться источником для целого ряда недоразумений, не могла не создать взаимного непонимания. Лавров, например, совершенно серьезно считал, что редакция «Отечественных Записок» сознательно идет на разрыв с ним. Об этом он определенно заявил в своем письме Е. А. Штакеншнейдер от 6/18 августа за 1871 г. «Порядочные люди (в лице «Отечественных Записок»), — писал он ей, — разрывают всякие сношения со мною или не заботятся об их поддержании (см. «Голос Минувшего» 1916 г., № 7—8, стр. 129). Именно это обстоятельство заставляло даже Лаврова, «махнув рукой на щепетильность», начать работу в журнал «Дело», к которому он до сего времени «относился не очень сочувственно». К началу 1872 г. ненормальные отношения Лаврова с «Отечественными Записками» зашли уже так далеко, что он решается на окончательный разрыв с ними. «Я считаю мои сношения с этой редакцией оконченными, — пишет, например, Лавров Е. А. Штакеншнейдер 8 января 1872 г., — не думаю, чтобы они обокрали меня, но нахожу их весьма невнимательными и неаккуратными» (см. «Голос Минувшего» 1916 г., № 9 стр. 115).

После всего сказанного становится ясным, что письмо Елисеева было написано Лаврову в наиболее острый момент конфликта, в то время, когда уход последнего из «Отечественных Записок» был уже почти предрешен. Это обстоятельство особенно усиливает значение печатаемого нами письма. И мы видим, что все оно проникнуто глубокой искренней доброжелательностью Елисеева к Лаврову. Как руководитель «Отечественных Записок» он определенно хочет, чтобы Лавров продолжал сотрудничество в этом журнале, при чем заявляет об этом в ясной и решительной форме. «Относительно ваших трудов в журнале, — пишет он ему, — могу повторить Вам то же, что говорил прежде, что я их очень желаю». Касаясь затем первой работы Лаврова в «Деле» — «История городского и сельского устройства в Западной Европе» (см. «Дело» 1871 г., №№ 10 и 12), которой Лавров дебютировал в этом журнале, Елисеев в заключение пишет, — «такие статьи мы принимали бы от вас с удовольствием». В этой фразе Елисеева чувствуется не только вполне определенный упрек Лаврову. Здесь еще более ясно сквозит сожаление, что подобная удачная работа Лаврова пошла не в «Отечественные Записки», а к Г. Е. Благодетелю.

Повидимому, Елисеев, как редактор «Отечественных Записок», определенно дорожит сотрудничеством Лаврова. Это подтверждается, между прочим, той высокой оценкой Лаврова, как писателя, какую мы встречаем в его письмах. Оценка эта настолько любопытна, что на ней необходимо остановиться несколько подробнее.

Лавров, например, предлагает «Отечественным Запискам» ряд корреспонденций по европейской литературе и жизни и даже присылает одну в виде образца. Елисеев не только не отказывается от них, но дает им очень лестную оценку. «Очевидно, — пише

он Лаврову, — в этом роде Вы мастер» (см. письмо № 1 за 1870 г., май). Он только предлагает сделать их «более солидными» и основательными. По его мнению, «образцом» в этом отношении может служить статья Лаврова же о Лекки, которая «вполне соответствует требованиям редакции» (см. Современные учения о нравственности и ее история. «Отечественные Записки», 1870 г., №№ 3, 4, 5, 6, 8). Здесь с особой силой сказалась редакционная чуткость Елисеева. Как известно, эта работа Лаврова имела огромный успех среди молодежи. В течение двух десятков лет она неизменно переписывалась и распространялась среди революционных народнических и народовольческих кружков. И недаром даже М. Горький в дни своей юности занимался конспектированием именно этой статьи Лаврова (см. «Былое», 1921 г. № 16, стр. 177). В другом письме Елисеева (см. письмо № 2 за 1872 г., январь) мы встречаем очень интересную оценку известной работы Лаврова «История городского и сельского устройства в Западной Европе». «Статья мне очень понравилась, — пишет он. — Она написана так спокойно и вместе с тем так общинтересно, что и для цензуры неуязвима и будет читаться публично». Приведенные нами отзывы Елисеева вполне определенно показывают как близок был для него весь писательский облик Лаврова.

Насколько высоко Елисеев ставил Лаврова как писателя, видно еще и из другого очень характерного факта. Мы имеем в виду «программу» для русской литературы, которую Елисеев предложил написать Лаврову (см. письмо № 2 за 1872 г., январь). Подобная чисто редакционная статья могла быть поручена только весьма близкому к журналу писателю. Очевидно, для Елисеева Лавров и был таким сотрудником. Любопытно здесь еще отметить, что это предложение Елисеев сделал Лаврову в самый разгар конфликта, когда последний уже собирался навсегда покинуть «Отечественные Записки».

Письма Елисеева, относящиеся к сотрудничеству Лаврова в «Отечественных Записках», заключает в себе еще не мало отдельных крайне интересных моментов и деталей. Так, например, совершенно неизвестно было до сих пор посредничество между Лавровым и «Отечественными Записками» проф. М. М. Ковалевского (см. письмо № 3 за 1880 г., от 21/X). Не безынтересно для характеристики Елисеева также его предложение быть «кассиром» Лаврова в то время, когда последний находился еще в ссылке в г. Кадникове Вологодской губернии (см. письмо № 2 за 1872 г., январь). Штрих для оценки личности Елисеева в высшей степени яркий и характерный. Он говорит не только об его дружеской симпатии к Лаврову, но свидетельствует также и о его большой смелости.

В заключение, необходимо особо отметить то место письма Елисеева, где он говорит о предстоящем своем личном свидании с Лавровым за границей. Этому свиданию Елисеев, как известно, придавал особое значение, так как надеялся в личной беседе с Лавровым выяснить все недоразумения. «Очень может быть, — пишет он ему, — что летом ныне мы увидимся, поговорим и авось споемся. Тогда огорчения исчезнут и порядочность мы поймем одинаково, и друг в друге сомневаться не будем» (см. письмо № 2 за 1872 г., январь). Повидимому это свидание дало вполне положительные результаты, так как Лавров остался в числе сотрудников «Отечественных Записок». Здесь надо вообще заметить, что если Лавров не порвал окончательно связей с «Отечественными Записками», то это произошло исключительно благодаря Елисееву. Из неопубликованного письма его от 28 февраля за 1872 г. видно, например, что он «для прекращения недоразумений» предложил даже редакции «Отечественных Записок» уплатить Лаврову 400 рублей. Этот решительный шаг Елисеева, с одной стороны, и личное заграничное свидание его с Лавровым, с другой, дали возможность мирно изжить конфликт, возникший между Лавровым и «Отечественными Записками».

III

Последняя группа писем Елисеева относится к моменту его болезни, когда он уже отошел от фактического участия в «Отечественных Записках» и по предписанию врачей вынужден был жить за границей. Этот период добровольной эмиграции Елисеева продолжался целых 4 года, с августа 1881 г. по август 1885 г.

Надо признать, что письма Елисеева за этот период представляют наибольший интерес. Они рисуют личность Елисеева в совершенно новом аспекте, выявляя в нем живой интерес к русскому революционному движению. В этом отношении особенно значительно письмо Елисеева из Ниццы от 9 января за 1882 г. В нем, например, Елисеев прежде всего запрашивает Лаврова о деятельности «Народной Воли»: «какие в сей лаборатории идут работы?» Мало того, он даже просит его прислать ему «подпольных зарубежных листков». Повидимому, длительное пребывание Елисеева за границей не прошло для него бесследно. Оно вполне естественно вызвало у него интерес к деятельности русской революционной эмиграции. Возможно, что здесь еще сказалось и влияние Лаврова, с которым Елисеев в эти годы поддерживал особо дружеские отношения.

Есть еще одна особенность в личности Елисеева, на которую нельзя не обратить внимания в связи с вышесказанным. Мы имеем в виду его обширные знакомства с революционной средой. Из публикуемого нами письма Лаврова от 26 января за 1882 г. мы видим, например, что Елисеев был знаком с эмигрантом С. А. Подолинским, ближайшим помощником Лаврова по изданию журнала «Вперед». Но это знакомство являлось далеко не единичным. Елисеев был очень близок с революционерами шестидесятниками: И. А. Худяковым и М. Ф. Негрескулом. Из «лавривстов» он прекрасно знал — В. Н. Смирнова, Р. Х. Идельсон, Н. Г. Кулябко-Корецкого и упомянутого выше С. А. Подолинского. Из народовольцев он особенно дружил с Л. К. Бухом и М. Н. Емельяновой и был даже знаком с В. Н. Фигнер. Если ко всему этому прибавить еще его дружеские отношения с Лавровым, то мы получим крайне любопытный круг его личных связей. Как видим, в этом отношении Елисеев шел куда дальше М. Е. Салтыкова который, как известно, сознательно стоял в стороне от личного общения с этой средой.

Но самым интересным местом во всей переписке Елисеева с Лавровым надо считать те его письма, в которых идет речь об издании за границей «Автобиографии» И. А. Худякова. Эпизод этот настолько важен для будущих биографов Елисеева, что на нем необходимо остановиться несколько подробнее.

Есть очень веские основания полагать, что саму рукопись Худякова привез Лаврову Елисеев, к которому она попала из Сибири, где у Елисеева, как известно, были обширные связи и знакомства. Из писем Елисеева ясно видна какая-то его заинтересованность в этом издании, особое внимание к нему. Так, например, Елисеев очень заботится о внешности издания. Его интересуют и шрифт и печать и даже типографская краска (см. письмо № 6 за 1882 г., от 10 июня). В другом письме Елисеев благодарит Лаврова «за уведомление о ходе издания» и очень радуется, что он «видит к благополучному концу» (см. письмо № 8 за 1882 г., от 9/21 сентября). Там может писать только человек заинтересованный в самом издании.

По всей вероятности Елисеев не только привез рукопись Худякова за границу, но и дал средства на ее издание. Это предположение станет вполне понятным, если учесть особые отношения Елисеева к Худякову. Елисеев хорошо знал его еще гимназистом по г. Тобольску, в 1857 г., также как знал всю его семью. Впоследствии, уже в Петербурге Елисеев особенно «привязался» к нему. Молодой, талантливый исследователь русской народной жизни, собиратель фольклора не мог не привлечь к себе симпатий такого народника, каким был Елисеев. Между ними, несмотря на разницу лет, возникли очень дружеские отношения. Об этом вполне определенно говорит сам Елисеев в своих воспоминаниях, приведенных Михайловским, которые, между прочим, почему-то не вошли в книгу «Шестидесятые годы» (изд. Academia, М.—Л., 1933 г.). Худяков, — пишет в них Елисеев, — был «очень ко мне близкий человек, хорошо меня знавший, к которому я был очень привязан, равно как и он ко мне» (см. Н. К. Михайловский, «Литературные воспоминания и современная смута», т. I, СПб, 1900 г., стр. 480). Арестованный по делу Каракозова, Худяков, между прочим, очень сильно оговорил Елисеева. К чести Елисеева надо сказать, что этот крайне прискорбный факт ничуть не изменил его отношений к Худякову. Он сохранил к нему те же дружеские чувства и любовь, какие питал раньше. Суровое наказание, понесенное Худяковым и преждевременная трагическая его смерть не могли не усугубить этих чувств у Елисеева.

После всего сказанного станет вполне понятным, почему Елисеев мог принять на себя издание «Автобиографии» Худякова. Не надо забывать, что Елисеев обладал довольно солидными денежными средствами, приобретенными, правда, исключительно литературным трудом. Достаточно здесь напомнить хотя бы тот факт, что Елисеев после смерти оставил Литературному фонду капитал в 54 000 рублей (см. «Юбилейный сборник Литературного фонда». СПб, 1909 г., стр. 24 и 478). Во всяком случае, публикуемые нами письма с несомненностью выясняют факт участия Елисеева совместно с Лавровым в издании и редактировании запрещенной заграничной книжки. Штрих для редактора «Отечественных Записок» довольно яркий и характерный.

Письма Елисеева, относящиеся к изданию «Автобиографии» Худякова, имеют еще другое очень важное значение. Благодаря им вскрывается происхождение одного очень ценного литературного документа. Мы имеем в виду статью Елисеева о Н. А. Некрасове. Как теперь видно, статья эта являлась не более не менее как примечанием к книжке И. А. Худякова в ответ на резкие нападки на Некрасова в связи с его стихами, посвященными генералу М. Н. Муравьеву (см. письмо № 7 за 1882 г., от 9 августа). По словам самого Елисеева у него «вместо извинения» получилось «полное оправдание Некрасову», вернее даже его «апология», как выразился Н. К. Михайловский. Именно это обстоятельство заставило Лаврова отказаться от напечатания статьи Елисеева и она на долгие годы оказалась погребенной в его архиве. Предназначенная для вольной зарубежной печати заметка эта, как и следовало ожидать, оказалась глубоко цензурной. Это обстоятельство доставило впоследствии не мало хлопот русским критикам.

Впервые в русской литературе заметку Елисеева использовал Н. К. Михайловский в 1891 г. Приведя из нее большую цитату, Михайловский должен был «с сожалением» констатировать, что она по цензурным условиям «не подлежит опубликованию» (см. Н. К. Михайловский «Литературные воспоминания» т. I, СПб, 1900 г., стр. 75—76). Действительно, «цензурность» эта оказалась настолько сильной, что даже 20 лет спустя П. Ф. Якубович не смог напечатать заметку Елисеева полностью (см. его статью — Муза мести и печали, «Русское Богатство», 1902 г., № 11, стр. 39—42). Статья Елисеева увидела, наконец, свет только после революции, т. е. ровно через 50 лет после того, как была написана (см. «Шестидесятые годы» Г. З. Елисеев. Воспоминания. Изд. «Академия», 1933 г., стр. 460—467. Глава — «О личности Некрасова»). Но ни Н. К. Михайловский, ни П. Ф. Якубович, ни редакторы книжки «Шестидесятые годы» не знали подлинного источника этой «цензурности». Никто из них даже не подозревал, что статья эта была написана за границей и предназначалась Елисеевым для нелегального издания.

Подводя итоги всему сказанному нами по поводу переписки Елисеева с Лавровым, мы должны признать, что она в целом является документацией первостепенной важности и ценности для будущих биографов этих двух крупнейших деятелей нашей журналистики.

1. Г. З. ЕЛИСЕЕВ — П. Л. ЛАВРОВУ

[Май 1870 г. С. Петербург]¹

Милостивый государь

Павел Сидорович

Я получил Ваше письмо, в котором вы предлагаете писать корреспонденции по европейской литературе и жизни для О[течественных] З[аписок], с приложением для образца одной такой корреспонденции². Не знаю, что отвечать Вам на Ваше письмо. Отказаться от Ваших корреспонденций мне бы не хотелось, потому что присланная Вами корреспонденция настолько хороша, что дает мне основание думать, что последующие корреспонденции в этом роде будут если не лучше этой, то не менее удовлетворительны. Очевидно, в этом роде Вы мастер.

Но этот летучий, так сказать, способ обозрения иностранной литературы не столько нужен для нашего журнала, сколько нужен был бы другой более солидный, который бы знакомил русскую публику с содержанием более замечательных иностранных сочинений. Образец подобного обозрения иностранной литературы Вы можете видеть в статье, помещенной в „Отечеств[енных] Записках“ в Мартовской Апрельской книжках: Нравственные учения в Европе по поводу сочинений Лекки³. Статья эта вполне соответствует требованиям журнала и упрекнуть ее можно разве только в том, что она очень длинна и растягивается на несколько книжек. Если бы она была не более 2—3 печатных листов, то была бы самая подходящая. Не можете ли Вы попробовать себя в писании такого рода [обозрений] иностранных обозрений? Если можете, то мы будем очень рады. Само собой разумеется, что за книги, которые Вы будете покупать для этих обозрений, мы будем охотно платить. Книги для таких обозрений должны быть избираемы такого содержания, которое было бы доступно и интересно для русской публики.

При этом мы не отказываемся и от Ваших летучих корреспонденций. Но желали бы, чтобы Вы ими повременили до осени. Вам, как человеку, быть может, мало знакомому с журнальным делом, может показаться такой полу-отказ странным. Но мы основываемся на редакционных расчетах. Чтобы ввести новый отдел, сохраняя в журнале то же количество листов, нужно привести в должные размеры существующие отделы другие, для которых есть и люди и работы, — а на все это требуется известное время. — Желательно бы было еще, чтобы Вы Ваши корреспонденции писали четким, однообразным почерком, без пестрот, затрудняющих типографию. Впрочем в этом отношен[ии] почерк вашей корреспонденции почти что удовлетворителен.

Извините пожалуй[и]ста, что не зная Вашего отчества, я взвеличал Вас по фамилии Вашей, полагая, что Вы потому не написали отчества, что оно одинаково[во] с фамилией. Если я ошибся, то будьте так любезны исправьте мою ошибку напередки⁴.

Примите уверение в совершенном почтении

Гр. Елисеев

Подательница сего письма г-жа Маркович, Мария Александровна, известная в литературе под именем Марко Вовчок. Ей вы можете сообщать для передачи мне все, что Вам будет нужно о Ваших трудах.¹

¹ Письмо без обозначения даты. Она определяется нами на основании ссылки Елисеева на статью Лаврова о Лекки. Повидимому, письмо написано в мае месяце 1870 г. Во-первых, Елисеев сам говорит об апрельской книжке «Отечественных Записок». Во-вторых, Елисеев просит Лаврова «повременить до осени» с присылкой «летучих корреспонденций». Следовательно, письмо могло быть написано после апреля, и в то же время раньше осенних месяцев. Но так как Елисеев на летние месяцы обычно уезжал за границу, то ясно, что он мог написать это деловое редакционное письмо только в мае. Конспиративное обращение, с которого начинается это письмо, только подтверждает предположение, что оно написано в России, а не за границей.

² Корреспонденция эта была напечатана в «Отечественных Записках» за 1870 г. (см. № 8, стр. 230—240) под заглавием «Очерки иностранной литературы и жизни». Под статьей этой нет никакой подписи. Авторство Лаврова было установлено мною еще в 1917 г. на основании заключительной фразы этой статьи, в которой был обещан разбор книги Тэна. Критический разбор Тэна, принадлежащий Лаврову, под заглавием «Наука психических явлений и их философия» действительно появился в «Отечественных Записках» за 1871 г. (см. № 3, стр. 36—86).

³ Елисеев не точно передает заглавие статьи. В «Отечественных Записках» за 1870 г. в №№ 3 и 4 и затем дальше в №№ 5, 6 и 8 была напечатана работа П. Л. Лаврова под заглавием «Современные учения о нравственности и ее история». Работа напечатана без всякой подписи и написана по поводу книги Лекки — «History of European morals from Augustus to Charlemagne». Ее и имеет в виду Елисеев в своем письме.

⁴ В первые годы своей эмиграции в Париже в 1870—1872 гг. Лавров просил своих друзей, находящихся в России, всю корреспонденцию адресовать на имя П. Сидорова. Под этой фамилией он жил некоторое время в Париже (см. Письма П. Л. Лаврова к Е. А. Штакеншнейдер, «Голос Минувшего», 1916 г., № 7—8, стр. 111, 131 и № 9, стр. 132). Это и дало повод Елисееву из-за конспиративных соображений окрестить Лаврова «Павлом Сидоровичем».

⁵ Мария Александровна Марко-Вовчок (1835—1907 гг.) — известная в 60-х и 70-х гг. писательница и переводчица, деятельная сотрудница «Отечественных Записок». Она была близким человеком для Г. З. Елисеева и особенно дружила с его женой — Екатериной Павловной (см. Е. Водовозова-Семевская, «Житейские невзгоды» — «Голос Минувшего» 1923 г., № 1, стр. 67—69). В начале 70-х годов М. А. Марко-Вовчок была посредницей между П. Л. Лавровым и редакцией «Отечественных Записок» (см. об этом подробно в «Материалах для биографии П. Л. Лаврова». Вып. I, Петроград, 1921 г., стр. 40—43. Там же напечатано письмо Лаврова к М. Марко-Вовчок). Ее имя очень часто встречается в переписке Лаврова с Е. А. Штакеншнейдер (см. «Голос Минувшего» 1916 г., № 7—8, стр. 125, 126—127, 130, 131; № 9, стр. 119, 121).

2. Г. З. ЕЛИСЕЕВ — П. Л. ЛАВРОВУ

[Январь 1872 г. С.-Петербург]¹

Я долго не отвечал на ваше письмо, потому что все это время был очень болен; недавно сделана небольшая операция и теперь я начал поправляться. — По вашему главному делу отвечать впрочем и теперь нечего. Ибо окончательно счета все еще не сведены и надобно потерпеть. Главную разницу в счетах между Вами и редакцией делает, кажется, то, что по книгам к концу февраля 1870 года за Вами значится долгу 900 р. Через две недели мне обещали дать окончательный вполне выверенный ответ по счетам, который я Вам и сообщу.

Относительно ваших трудов в [редак.] журнале могу повторить Вам тоже, что говорил и прежде, что я их очень желаю. Но вместе с тем должен сказать Вам, что относительно цензуры времена стоят ныне такие строгие, каких никогда не бывало. Как кажется, полагается начало новой системе наблюдения над печатью. Не будет прежних беспричинных, случайных, начинавшихся *ex abrupto* преследований и затем следовавших за ними таких же беспричинных, случайных послаблений, но на основании известных принципов наблюдение будет всегда одинако неизменно, ровно, твердо, одним словом, мы хотим быть немцами. Так как в сем наилучшем из миров все идет к лучшему, по словам Понглосса, то, конечно, и этот несомненный шаг вперед есть также шаг к лучшему. В начале будет несколько тяжеловато, но потом люди ко всему привыкают. Ergo... Но мы все-таки только в начале... Недавно я прочел в „Деле“ статью: Городское и сельское хозяйство, написанную по Мауреру и другим². Говорят: это ваша статья, и мне так кажется. Как бы то ни было статья мне очень понравилась, во 1-х, проспект ее доходит до основ настоящего времени, — во 2-х, она написана так спокойно и вместе с тем так общеинтересно, что и для цензуры неуязвима и будет читаться публикой. Такие статьи мы принимали бы от Вас с удовольствием. — Вы пишете, чтобы вам назначать темы для статей. Это вещь невозможная по многим причинам. Можно только обозначить характер цензурных условий данного времени и характер статей. Затем и цели, преследуемые журналом Вам известны. Чего же больше? А если уж нужно непременно назвать род, то мне кажется, что было бы полезно в критических ли то или других статьях знакомить нашу публику с иностранными историческими, социальными и т. п. сочинениями, которые могут отражать в ее сознании наши общественные отношения.

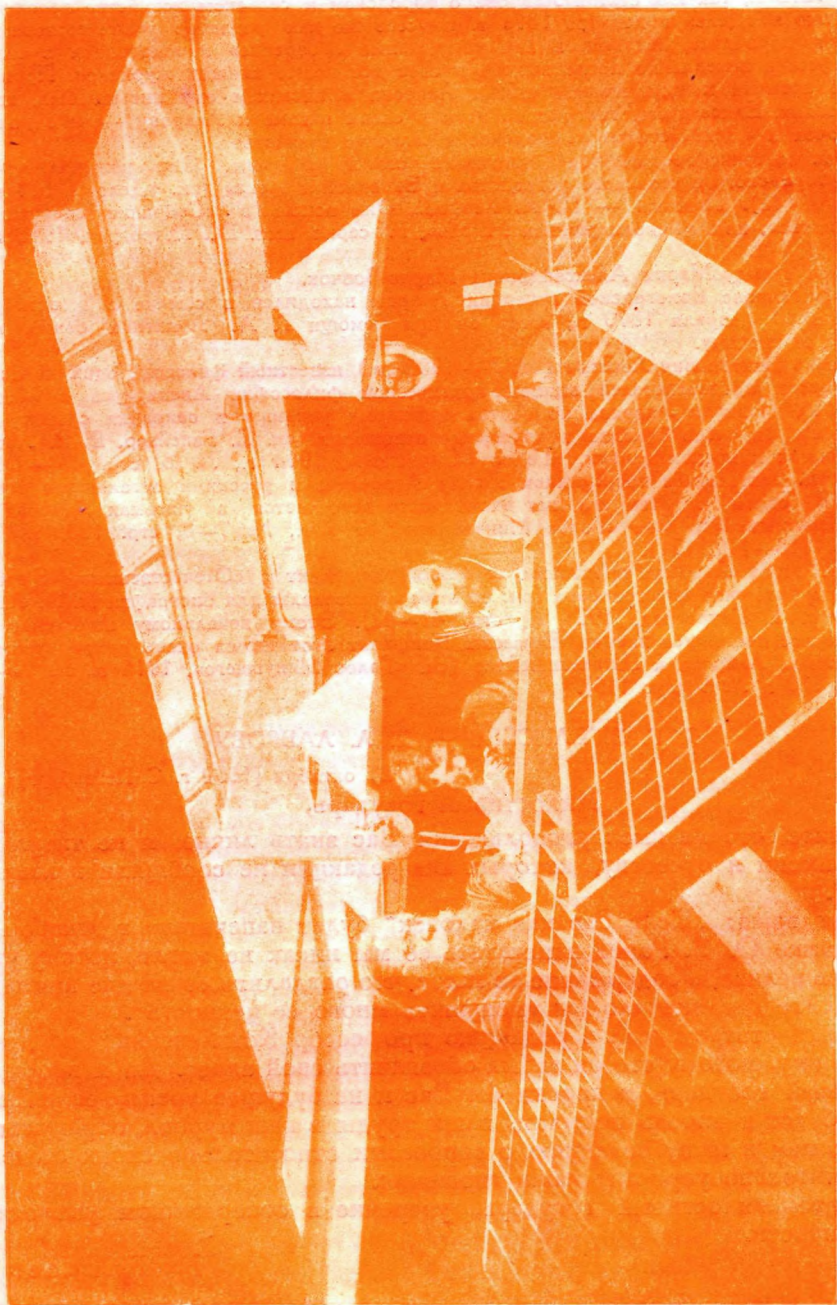
Теперь мне следовало бы поговорить о ваших огорчениях против меня. Их накопилось, кажется, очень много: отчасти я слышал это от

М. А.³, отчасти это ясно и из письма, ею переданного, в котором желая выразить доверие ко мне, Вы пишете, что один я (в редакции) могу „служить для Вас как им-нибудь ручательством, что журнал завтра же не станет противоречить всем порядочным убеждениям“. Станный Вы человек, — а еще философ! — Во 1-х справедливо ли стараться обидеть человека без всяких поводов и приписать взгляд на такой штанд-пункт, для которого нет никаких подмоствок? — Во 2-х что такое порядочные убеждения? Порядочные убеждения сделались ныне тормозящей культурой, против которой надобно бороться. Если бы люди менее были уверены в своей порядочности и не были так самодовольны от этого, то они увидели бы, что в их порядочных убеждениях накопилось весьма много беспорядочного и что они делают не то или не делают того, что им следует. Надобно мерить порядочность своих убеждений не по потребностям прошедшего, а по потребностям настоящего. Этому же настоящему не удовлетворяем ни Вы, ни я. Но я имею смелость считать себя выше Вас, потому что я сознаю это, — Вы же находитесь в таком самообольщении, что не только убеждены в порядочности своих убеждений в целом, но и беретесь мерять порядочность убеждений тех, кого Вы слишком мало знаете. — Но довольно об этом. Что делать? остается вечным вопросом и каждый день новым. — Но об нем надобно или писать целое сочинение или говорить устно. — Кстати вот хорошая тема: наша литература очень слабая по силам, тратит много напрасно сил оттого, между прочим, что у ней нет никакой программы. Горячо бьется она часто за самые пустые [вопросы] и почти совершенно молчит о самых важных. Не хотите ли написать программу для нашей литературы, выяснив по нашим состояниям относительную важность разного рода вопросов. Это был бы труд капитальный для нашего слепого времени. — Обращаясь к прежнему, могу сказать только одно пока, что очень может быть, что летом ныне мы увидимся, поговорим и авось споемся. Тогда огорчения исчезнут и порядочность мы поймем одинаково, и друг в друге сомневаться не будем.

Но есть один пункт, о котором надобно сказать несколько слов сейчас. Помните ли, когда вы были еще в Кадникове,⁴ я Вам писал как-то, что кассу так вести невозможно, как ведете Вы, что невозможно раздавать деньги десяти человекам, что я берусь быть Вашим кассиром. На это вы мне ответили, что по важным обстоятельствам дело должно стоять так, как оно стоит и услуг моих не приняли. Отменить это распоряжение Вы могли только новым распоряжением таким же прямым и ясным, как было прежде. Теперь же, не отменив прежнего распоряжения как следовало бы, Вы обвиняете меня в том: как я не исполнял Ваших слов: „посылайте деньги прямо мне“, в которых „прямо“ было, дескать, и подчеркнуто. Признаюсь Вам, что ни подчеркнутого прямо, ни этих слов я не замечал и что все это было, — узнал только из Вашего последнего письма. Кто тут из нас виноват?

Если вы будете писать для нас, то статьи посылайте прямо в редакцию, под каким-нибудь псевдонимом, но без всяких писем. Уход за статьями, т. е. хлопоты о времени их напечатания, получение гонорара и т. п., поручите кому-нибудь из Ваших знакомых, например, Лесевичу⁵. Тогда не возникнет тех печальных недоразумений, которые возникли теперь.⁶ Надеюсь впрочем, что и теперь все разъяснится и кончится к общему удовольствию. Будьте здоровы и щастливы!

¹ Письмо без обращения, без подписи и без даты. Последняя определена нами на основании ссылки Елисеева на статью Лаврова о городском и сельском хозяйстве. В письме Елисеев между прочим пишет — «может быть летом ныне увидимся». Следовательно, письмо было написано им до летних месяцев. В то же время из

П. Л. ЛАВРОВ В ТИПОГРАФИИ ЖУРНАЛА «ВПЕРЕД».
Наборщики (слева направо) — Я. В. Вопцакин, А. Л. Липнев, Л. В. Гольденберг
Музей Революции СССР, Москва

письма Лаврова к Е. А. Штакеншнейдер от 1/12 мая 1872 г. видно, что Елисеев 15 мая старого стиля должен уже был быть «на водах в Германии» (см. «Голос Минувшего», 1916 г., № 9, стр. 121). Отсюда вывод — письмо было написано в промежуток времени между январем и апрелем месяцами 1872 г.: Повидимому, оно относится к январю 1872 г., так как статья Лаврова о городском и сельском хозяйствах закончилась печатью в «Деле» в декабре 1871 г. Елисеев же как редактор «Отечественных Записок» и журналист, ведущий в нем «внутреннее обозрение» просматривал в силу своей профессии немедленно после выхода в свет все новые книжки журналов. Промежуток же времени между чтением статьи Лаврова и писанием ему письма был, как видно, невелик. Елисеев сам говорит об этом в своем письме к Лаврову — «я е д а в н о я прочел в «Деле» статью «Городское и сельское хозяйство».

² Елисеев не точно воспроизводит заглавие статьи Лаврова. Она называлась — «История городского и сельского устройства в Западной Европе» (см. «Дело», 1871 г., №№ 10 и 12). Подпись — П. А. Кедров. Она вошла в «Собрание сочинений П. А. Лаврова», изд. «Революционная Мысль», IV серия, вып. IX. Петроград, 1918 г., стр. 5—98.

³ Имеется в виду Мария Александровна Марко-Вовчок.

⁴ В г. Кадникове Вологодской губернии Лавров находился в ссылке с 3 октября 1868 г. по 15 февраля 1870 г., когда он при помощи Г. А. Лопатина бежал из Кадникова за границу.

⁵ Владимир Викторович Лесевич (1837—1905 гг.) известный философ, один из первых в России представителей эмпирио-критической философии Авенариуса и Маха. Лесевич был учеником Лаврова по Артиллерийскому училищу и сохранил с ним до самой его смерти очень близкие и дружеские отношения (см. Е. Ганейзер, В. В. Лесевич в письмах и воспоминаниях. «Голос Минувшего», 1914 г., № 8, стр. 48—54). Лесевич был деятельным посредником между Лавровым и русскими легальными журналами. В связи с этим его имя очень часто встречается в письмах Лаврова к Е. А. Штакеншнейдер (см. «Голос Минувшего», 1916 г., № 7—8, стр. 123, 128 и № 9, стр. 118—119, 121).

⁶ В 1871 г. у Лаврова произошел серьезный конфликт с «Отечественными Записками» из-за задержки ему гонорара (см. об этом «Материалы для биографии П. Л. Лаврова». Вып. I. Петроград, 1921 г., стр. 41—42). Этому печальному инциденту и посвящено все настоящее письмо Елисеева. Конфликт этот нашел очень яркое отражение в письмах Лаврова к Штакеншнейдер (см. «Голос Минувшего», 1916 г., № 7—8, стр. 126, 129 и № 9 стр. 115).

3. Г. З. ЕЛИСЕЕВ — П. Л. ЛАВРОВУ

21 октября [1880 г. С.-Петербург] ¹

Милостивый государь,

Извините, что не имея удовольствия Вас знать лично, я не титулую Вас по имени и отчеству, которых Вы редакции не сообщили в вашем письме ².

Статья ваша: „Сент Бэв как человек“ будет напечатана в декабр[ь]-ской книжке О. З. Ранее напечатать ее мы никак не могли, потому что она очень велика, а содержание ее такое, что разделить ее на две книжки, как просите Вы, значило бы уменьшить много ее ценность ³.

О вашей статье писал в редакцию профессор Ковалевский ⁴, но я не отвечал ему, потому что он забыл обозначить свой адрес. Да и вообще, милостивый государь, я просил бы Вас и на будущее время, если Вам угодно будет и впредь посылать ваши труды в наш журнал, обращаться самым в нашу редакцию с вопросами относительно своих статей, что значительно упростит наши сношения.

Примите, милостивый государь, уверение в совершенном уважении и преданности.

Гр. Елисеев

¹ Письмо без даты. Она определена нами в связи с ссылкой в тексте на статью П. Л. Лаврова о Сент-Беве.

² Вся эта фраза продиктована исключительно конспиративными соображениями.

³ Статья П. Л. Лаврова «Сент-Бев, как человек», напечатана в «Отечественных Записках» за 1881 г. №№ 1 и 2. Подпись — П. У...в.

⁴ Имеется в виду профессор М. М. Ковалевский, с которым Лавров находился в очень близких и дружеских отношениях. Через него Лавров сносился с редакцией газеты

«Русские Ведомости». Кроме того Ковалевский на свои средства издал две работы Лаврова — «Задачи понимания истории» и «Важнейшие моменты в истории мыслей» (см. Письмо Лаврова к М. Ковалевскому. «Русское Богатство», 1914 г., № 1, стр. 192—202). Взаимоотношения Лаврова с Ковалевским очень хорошо обрисованы в статьях: Н. С. Русянова (см. Памяти М. М. Ковалевского. «Русские Записки», 1916 г., № 3, стр. 305 и 308) и С. Ан—ского (см. М. М. Ковалевский и И. И. Мечников в их сношениях с П. Л. Лавровым. «Русские ведомости», 1916 г., № 163, от 15 июля, стр. 5).

4. Г. З. ЕЛИСЕЕВ — П. Л. ЛАВРОВУ

9 января 1882 г. [Ницца]

Что Вы, многоуважаемый Петр Лаврович, никогда ничего не напишите нам, невольным узникам, хотя и в прекрасной темнице?¹ Мы ведь не знаем ничего, что творится в той лаборатории, которая приготовляет ерoсchemachende события и лиц, в них действующих². Какие в сей лаборатории идут работы или по крайней мере вести и предположения имеются и т. п. Вообще, есть ли где-нибудь надежды на скорое оживление и жизнь? Все это Вам, вероятно, более или менее известно, хотя гадательно. Кроме того, нет ли у Вас в запасе подпольных заграничных листков, если таковые являются где-нибудь? Их нам также интересно было бы видеть. До свидания. Ваш Г. Елисеев.

Наш адрес: Petite rue St'Etienne
Villa des Essarts.

¹ Под «прекрасной темницей» Елисеев подразумевает город Ниццу, невольным жителем которой он сделался в силу своей болезни.

² Елисеев имеет в виду революционное движение и в частности деятельность партии «Народной Воли».

5. П. Л. ЛАВРОВ — Г. З. ЕЛИСЕЕВУ

328, rue St.-Jacques
26 января 1882.

Многоуважаемый Григорий Захаревич.

Не отвечал Вам сейчас, потому что знал, что Вы уже успокоены письмом из rue des Beaux Arts, а все это время был очень занят и до сих пор имею много дела. Вы спрашиваете о подпольных листках и об ерoсchemachende¹ деятельности. Вам из газет известно, вероятно, что мы (т.е. я с Засулич) выступили в качестве уполномоченных от самой мирной отрасли русской организации², что вызвало большой гнев здешнего посольства и немалое раздражение петербургского официального органа³. Из России доходят разные известия, которые тоже печатаем в разных иностранных газетах, французских и английских. Там идут себе аресты в немалом количестве (арестовали в Москве Ольгу Любатович)⁴, а порой, как Вам известно, и вешают (недавно Санковского⁵), но это не мешает подпольным листкам выходить себе да выходить. Вот получили мы первые страницы № 7 Народной Воли (он сейчас вышел, но до нас доходит кусками); есть и кое-какие прокламации. Но все это гуляет по рукам, так как доходят немногие экземпляры, и пересылается из Парижа в Лондон, Женеву etc. etc., так что достать на долго трудно. То что из этого попадает в „Общее Дело“⁶ или „Вольное Слово“⁷ Вы, конечно, знаете, так как, верно, интересуетесь и читаете эти издания, которые как мне известно, есть в Ницце. Выйдет ли из этого что-либо ерoсchemachendes или нет, знает лишь Аллах, но у него от старости, теперь голова не в порядке и он перестал сообщать свои знания человекообразным прорицателям и пророкам. Даже его представители в истории, государственные деятели что-то с ума спячивают. По крайней мере и Гамбетте и Бисмарку не худо бы немного полечиться у психиатров (наших, конечно, и лечить нечего: конституционный идиотизм и хроническое извращение

логики неизлечимы). Конечно помешательство распространяется. Вот и мой хороший приятель, которого Вы немного знали, Подолинский⁸, посажен в Монпелье в сумасшедший дом. Как бы всем нам не свихнуться? А может быть и свихнулись уж, да сами этого не подозреваем...

Придя к столь замечательным результатам, считаю лучшим остановиться. Желаю Вам всего лучшего, особенно здоровья. Говорят у Вас в Ницце очень тепло. Прошу передать мой глубокий поклон Катерине Павловне⁹.

П. Лавров

Получили ли Вы посланные Вам 3-й и 4-ый томы романа французского? Вы, конечно, мне не ответили на это. Посылаю Вам последний выпуск его, который у меня залежался.

¹ Под этим словом Лавров имеет в виду деятельность партии «Народной Воли», которой интересовался Г. З. Елисеев в своем письме.

² Речь идет об «Обществе Красного Креста Народной Воли», возникшем в декабре 1881 г. П. Л. Лавров совместно с В. И. Засулич был избран представителем этого «Общества» за границей, что и было объявлено в № 8—9 «Народной Воли» за 1882 г.

³ См. статью в «Новом Времени» — «Journal de St.-Petersbourg» о происках русских революционеров» (1882 г. 6 января, № 2104). Статья вызвана письмом П. Л. Лаврова и В. И. Засулич в газету «L'Intransigeant» Рошфора от 1 января 1882 г., где они, излагая цели и задачи «Общества», открыли денежную подписку в его пользу. Статья из «Journal de St.-Petersbourg» перепечатана в выдержках также в «Современном Обозрении», Москва, 1882 г., 7 января, № 6, стр. 1, см. «Дневное Обозрение». П. Л. Лавров в своем письме имеет в виду «Journal de St.-Petersbourg», который являлся официальным органом русской дипломатии.

⁴ Любатович, Ольга Спиридоновна (1854—1917) — видный член «Земли и Воли» 70-х годов, известная участница процесса 50-ти. Состояла членом Исполнительного Комитета «Народной Воли». Арест, о котором пишет Лавров, произошел 6 ноября 1881 г. в Москве, где Любатович была задержана под фамилией Марии Святской. П. Л. Лавров лично хорошо знал О. С. Любатович, так как она была в бытность свою в Цюрихе (1872—1873 гг.) наборщицей журнала «Вперед» (см. П. Л. Лавров «Народники-пропагандисты 1873—1878 гг.», 1925 г., стр. 57—58; О. С. Любатович «Далекое недавнее», «Былое», 1906 г., № 6, стр. 121). Во время своего пребывания за границей Любатович неоднократно посещала Лаврова в Париже.

⁵ Санковский, Николай Мартынович 13 ноября 1881 г. покушался на убийство генерал-адъютанта Черевина, товарища министра внутренних дел, шефа жандармов. 5 января 1882 г. он был военно-окружным судом в Петербурге приговорен «к смертной казни через повешение». Информация Лаврова неверна. Санковский при дальнейшем утверждении приговора суда получил замену смертной казни «сылкой в каторжные работы в рудники без срока» (см. «Правительственный Вестник», 1882 г., 13 января, № 9, стр. 1). Повидимому, Лавров был введен в заблуждение «Вольным Словом», где сообщалось только о смертной казни Санковского (см. «Вольное Слово», Женева, 1882 г., 24 января, № 24, стр. 3).

⁶ «Общее Дело» — подпольная, политическая и литературная газета, выходившая ежемесячно в Женеве. Издателем ее был М. К. Элпидин при материальной поддержке Н. А. Белоголового. Главным редактором был А. Х. Христофоров, соредакторами — Н. А. Белоголовый и В. А. Зайцев. Всего вышло 112 номеров (№ 1 вышел в свет 9 мая 1877 г., последний в ноябре 1890 г.). «Общее Дело» стремилось быть выразителем конституционных стремлений как части русской эмиграции, так и русской общечеловеческой 80-х годов. Этими целями объяснялся состав сотрудников этой газеты, где на ряду с эмигрантами работал целый ряд представителей русской легальной интеллигенции. Нам известен следующий состав сотрудников «Общего Дела»: 1. Н. А. Белоголовый (подпись — Н. Б.), 2. В. А. Зайцев (подпись — В. З.), 3. П. Ф. Алисов (подпись — П. А.), 4. Н. О. Осипов (подпись — Изгоев), 5. М. И. Венюков (подпись — В.), 6. Н. М. Ядрищев (подпись — Н. Я.), 7. А. Х. Христофоров (подпись — Х. Х. и А. Х.), 8. Н. В. Соколов (подпись — Н. С.), 9. С. Я. Жеманов, 10. Э. Стоянов, 11. М. П. Драгоманов, 12. С. А. Подолинский, 13. П. В. Григорьев (подпись — П. Безобразов), 14. Н. А. Морозов и 15. Н. А. Юренев (подпись — Н. или N.N.). Кроме этих лиц в «Общем Деле» печатался М. Е. Салтыков-Щедрин. Это обстоятельство впоследствии было поставлено в вину «Отечественным Запискам» и послужило одним из поводов к их закрытию. Подробная библиография об «Общем Деле» имеется в «Словарном указателе по книговедению» А. В. Мезьер. М. — Л., 1931 г., стр. 991—993.

⁷ «Вольное Слово» — подпольная газета, выходившая в Женеве. Издавалась на средства «Священной Дружины» и редактировалась ее заграничным агентом А. П. Мальшиным.

ским. Вначале она была свободной трибуной для всех революционеров и социалистов, не принимающих террора. Борьба с террором и в частности с народовольцами была основной целью создания этого органа «Священной Дружины». Газета выходила еженедельно. Первый номер вышел в 1881 г. 8 августа. Редакция А. П. Маальшинского продолжалась до номера 36 включительно. С номера 37, 1882 г., от 15 мая «Большое Слово» объявило себя органом «Общества Земского Союза и самоуправления» и с этого момента фактическим редактором его стал профессор М. П. Драгоманов. Всего было выпущено 62 номера. Последний номер вышел в 1883 г. 22 мая в двойном размере (№ 61—62). Из сотрудников «Вольного Слова» нам пока известны следующие: 1. М. П. Драгоманов, 2. П. Б. Аксельрод, 3. Г. С. Веселитский-Божидарович, 4. Н. И. Зибер, 5. Д. Н. Овсяннико-Куликовский, 6. Н. П. Цакни, 7. С. М. Кравчинский, 8. И. Н. Присецкий, 9. В. Г. Малеванный, 10. Н. А. Жебунев, 11. М. Я. Рабинович (Бен-Ами), 12. М. Павлик, 13. К. А. Бороздин, 14. В. А. Гольдштейн, 15. А. М. Эпштейн. Подробную библиографию о «Вольном Слове» см. в «Словарном указателе по книговедению» А. В. Мезьер, М.—Л., 1931 г., стр. 904—909.

⁸ Подолинский, Сергей Андреевич, сын известного поэта пушкинской эпохи Андрея Ивановича Подолинского, был очень близок к П. Л. Лаврову по организации в конце 1872 г. журнала «Вперед»; через него шли все переговоры с Россией и он заведывал организацией по добыванию материальных средств для этого издания (см. П. Л. Лавров. Народники-пропагандисты. 1925 г., стр. 51—52). Имея большие личные средства от отца — богатого помещика, — С. А. Подолинский немало потратил своих собственных денег на поддержку издания «Вперед». После закрытия «Вперед» Подолинский деятельно сотрудничал с М. П. Драгомановым по насаждению за границей украинфильства. В 1881 г. он на свои личные средства издавал журнал «Громада», редактируя его совместно с М. П. Драгомановым и М. Павликом. Одновременно с подпольной работой Подолинский принимал участие и в русской легальной печати, сотрудничая: в газете «Киевский Телеграф» (7 статей за 1875 г. под инициалами — П. и С. П.) в журналах — «Дело» (см. его статьи — Клод Бернар, 1879 г., № 2, стр. 242—272 и «Здоровье крестьян на Украине», 1879 г. № 5, стр. 146—189) и «Слово» («Труд человека и его отношение к распределению энергии», 1880 г., апрель—май, стр. 135—211). Последняя работа с некоторыми изменениями напечатана в 1883 г. в органе миланских социалистов «le plebe», а затем в журнале Карла Каутского «Neue Zeit» за тот же год. Этот труд Подолинского очень заинтересовал Карла Маркса и получил весьма одобрительный отзыв Ф. Энгельса (см. Э. Бернштейн «Воспоминания о М. Драгоманове и С. Подолинском», «Летопись Революции», Берлин, 1923 г., том I, стр. 64).

⁹ Екатерина Павловна — жена Г. З. Елисеева, урожденная Гофштетер (по первому мужу Корбедкая), вышла за него замуж в 1865 г. Скончалась в Петербурге через семь дней после смерти Г. З. Елисеева 25 января 1891 г. П. Л. Лавров был лично знаком с Екатериной Павловной в 1865—1866 гг., еще до своего ареста и эмиграции. Затем он часто встречался с ней в Париже во время неоднократных поездок ее с Григорием Захаровичем за границу. После Екатерины Павловны остались небольшие напечатанные воспоминания, которые Н. К. Михайловский считает «превосходными в своей непосредственности». («Полное собрание сочинений», СПб, 1909 г., том VII, стр. 416. Там же о ней еще страницы 472, 477 и 480). Воспоминания эти частично, в отрывках приведены В. Евгеньевым-Максимовым в «Голосе Минувшего» (см. 1915 г., № 1, стр. 25—29, 30—34; 1916 г., № 2, стр. 6, 15, 18, 21—23, 34—38).

6. Г. З. ЕЛИСЕЕВ — П. Л. ЛАВРОВУ

10 июня 1882 г. [Люцерн]

Многоуважаемый

Петр Лаврович,

Спешу уведомить Вас, что мы из кочевого положения перешли теперь на оседлое. Потому во избежание проволочек можете прямо на мое имя адресовать ваши письма и проч. по следующему адресу: Luzern, Hôtel Sonnenberg bei Luzern. Последние слова прибавлять необходимо, потому на Люцернском озере много hotel'ей с названием Sonnenberg. Первый лист корректуры я прочел и послал Вам в субботу. Шрифт и печать очень хороши. Надобно только написать, чтобы запаслись хорошими типографскими чернилами и чтобы печать не вышла полинявшею и слепою.¹

О себе пока Вам ничего не буду писать. Чувствую себя недурно, хотя погода до сих пор стоит ужасная. Поместились мы очень недурно, но скучать будем, вероятно, шибко до приезда Белоголовых, которые обе-

щались переехать к нам 15 июня и жить вместе с нами. — Пишите о Ваших новостях. — Жена Вам кланяется. Крепко жму Вашу руку.

Ваш Григорий Елисеев

¹ Речь идет о печатающейся за границей нелегальной книжке «Иван Александрович Худяков. Опыт автобиографии. Женева. Вольная русская типография. 1882 г. XII + 183 стр.». В издании и редактировании этой книжки деятельное участие принимал Лавров. Как нам удалось установить, ему принадлежит небольшое предисловие к этому изданию (см. стр. V—VII).

Г. З. ЕЛИСЕЕВ — П. Л. ЛАВРОВУ

9 августа 1882 г. [Люцерн]

Многоуважаемый

Петр Лаврович,

Посылаю Вам проект моего примечания на упрек, сделанный Худяковым Некрасову.¹ Прочтите его, пожалуйста, внимательно. Вместо извинения я написал, как Вы увидите, полное оправдание Некрасову. У меня не было ни времени, ни сил выразить свою мысль так полно и рельефно, чтобы она сделалась для всех убедительною. Но в истине ее я не сомневаюсь. Потому я очень желал бы, чтобы эта мысль, равно как и основа ее аргументации, набросанная мною, были сохранены. Затем я просил бы Вас, если Вы станете на мою точку зрения, восполнить и округлить мою аргументацию в тех частях, где она покажется Вам слабою или недостаточно обработанною литературно. И вообще впрочем я смотрю на мое мараанье не более, как на проект. Что касается до изложения, оно может [быть] вполне изменено, исключая главной мысли и основы ее аргументации.

А всего лучше для избежания возможных недоразумений сделать так: согласимся напеча[тат]ь примечание в конце книги, сделав в тексте только ссылку на него, это даже и лучше будет: потому что примечание вышло довольно большое². Тогда [мы] общими силами мы напишем примечание удовлетворительное по содержанию и по форме. Я пишу это, конечно, в той надежде, что Вы будете так добры и любезны, как были и до сих пор, или, точнее сказать, всегда, и несмотря на множество ваших занятий, найдете возможность написать ваш проект и прислать его мне.

Жму Вам крепко руку, и до свидания Ваш Гр. Елисеев.

P. S. Белоголовый по моей просьбе уже в двух письмах спрашивал у Вас адрес Зибера³ в Берне. А все [на него не] ничего не отвечаете. Сообщите, пожалуйста, и поскорее. Мне очень нужно.

Luzern, Hôtel Sonnenberg bei Luzern.

¹ В своей автобиографии И. А. Худяков в особом примечании говорит о патриотическом взрыве, который охватил собой все русское общество после покушения Каракозова. В нем он в крайне резких выражениях клеймит Н. А. Некрасова. «Трудно себе представить, — пишет Худяков, — силу патриотической мании, объявшей публику после покушения. Со всех сторон посылались адреса: даже либеральный и очень талантливый поэт Некрасов писал патриотические стихи и публично в стихах просил Муравьева «не жалеть преступников». Это говорил друг Добролюбова, Чернышевского, издатель «Современника» и лучший поэт, и говорил не сидя в крепости, не келейно с деспотом, а публично! При всей подлости этого поступка, какая была при этом в нем доля глупости!.. «Современник» Муравьев закрыл, «не жалея преступников»; стало быть только Некрасов и проиграл; хотя надо сказать, ничто не оправдывало его трусости.. Мы не говорим уже о гнусности того факта, что литература сочла за свой долг добровольно соперничать с палачами.. Некрасов сделал бы меньшую подлость, если бы на собственный счет построил для нас виселицы!» (стр. 167—168). Это место в книжке Худякова и заставило Елисеева написать «оправдание Некрасову» в виде примечания к ней.

² Примечание Елисеева, посвященное Н. А. Некрасову, не было напечатано Лавровым. Оно сохранилось в бумагах Елисеева и полностью помещено в книге «Шестидесятые годы. М. А. Антонович и Г. З. Елисеев. Воспоминания». Изд. «Академия». М.—Л. 1933 г., стр. 460—467 (см. главу — «О личности Некрасова»).

³ Николай Иванович Зибер (1844—1888) — экономист, доцент Киевского университета. Один из первых в России популяризаторов экономических идей К. Маркса. Большую научную ценность представляла его магистерская диссертация — «Д. Рикардо и К. Маркс в их общественно-экономических исследованиях». С 1875 г. Зибер постоянно жил за границей и находился в самых дружеских отношениях с Лавровым.

8. Г. З. ЕЛИСЕЕВ — П. Л. ЛАВРОВУ

9/21 сентября 1882 г. [Берн]

Многоуважаемый

Петр Лаврович,

Спасибо Вам за уведомление о ходе издания. Очень рад, что дело идет к благополучному концу. А что нескольких листов конца издания я не видал, это, конечно, ровно никакого значения не имеет. Я уверен, что и в этих листах не проскользнуло ни одного имени, которое могло бы быть скомпрометировано. А это главное, о чем я заботился¹. — Затем, я никак не могу считать себя причиной того, что с Вами потеряли друг друга. Я, действительно, обещал уведомить Вас, когда переменю место жительства, в том, конечно, случае, если при этом потребуются новый адрес. Но при переезде из Люцерна в Берн такой надобности не оказывалось. Берн всего на расстоянии трех часов от Люцерна, а в таких случаях я обыкновенно подаю бумагу в почтамт, чтобы все полученное на мое имя пересылалось в данное место. Так было и теперь. И все из Люцерна посылалось в Берн исправно. Как случилось, что пропадали корректуры, не понимаю. Последняя корректура, полученная мною в Люцерне, была та, где помещено было ваше примечание о Некрасове². Я прочитал в тот же час, как получил, и в тот же день отправил к Вам. Неужели Вы ее не получили? Если не получили, то надо взять за бока бывшего нашего хозяина Видмера. Но все это мы разберем с Вами в Париже, куда я стремлюсь давно уже, но грехи не пускают.

В Берне стоит такой холод и такая скверная погода, что мы хвораем все время, пока живем. Кашель, насморк невообразимые, и не знаем, как отсюда выбраться. Сегодня вечером решил я отправиться в Женеву, а оттуда через несколько дней в Париж. Моя цель оставить жену в Женеве, а в Париж ехать одному. Удастся ли это, не знаю. Буду просить ее, убеждать, умолять, чтобы она отпустила меня одного. Так жить, как живем мы, невозможно. Не говоря о беспрестанных столкновениях, делать ничего нельзя. Проводишь самую глупую жизнь. Знаю, что без жены будет мне хворому пропасть неудобств, приходится множество разных неприятностей, а может быть даже и околеть где-нибудь без призора. И за всем тем, взвешивая все и pro и contra, я все-таки решаюсь. Удастся ли, не знаю. Слаб я очень, никак не могу переносить женских слез.

Скажите от меня поклон Белоголовым, не пишу теперь, потому что, как говорю Вам, все, что мы живем здесь, хвораем. И главный писарь до сих пор не поднимал вопроса о письме.

Кстати 17 нашего сентября Софья Петровна именинница³. Успею ли я к этому времени приехать в Париж, я не знаю. По всей вероятности не успею. В таком случае всю надежду и упование возлагаю на Вас. Приищите ей какой-нибудь подарок франков в 50 и даже более в 60, и в день именин пошлите из магазина от моего имени. В выборе подарка совершенно полагаюсь на ваш вкус. Деньги по приезде в Париж возвращу Вам с благодарностью. Засим до свидания и будьте здоровы.

Ваш Гр. Елисеев

Жена Вам кланяется.

¹ Из этого места письма Елисеева видно, что он не только участвовал совместно с Лавровым в редактировании текста печатающейся за границей автобиографии И. А. Худякова, но, повидимому, исправлял самую рукопись ее до печати, вычеркивая оттуда имена тех лиц, которые могли быть скомпрометированы.

² Это место письма Елисеева документально подтверждает, что анонимное примечание, напечатанное в книжке А. И. Худякова в ответ на его упрёки Н. А. Некрасову, принадлежит П. Л. Лаврову (см. «Примечание издателей», стр. 168—169). Не согласившись с проектом примечания, присланным Елисеевым, и его аргументацией, Лавров сам ответил Худякову, подойдя к поступку Некрасова с несколько иной точки зрения, чем предлагал Елисеев.

³ Имеется в виду жена доктора Н. А. Белоголового.

II. НЕИЗДАННЫЕ ПИСЬМА Г. В. ПЛЕХАНОВА к П. Л. ЛАВРОВУ

Вступительная статья Б. Н. Козьмина

В 1921 г. в № 2 исторического журнала «Дела и Дни» было опубликовано 22 письма Г. В. Плеханова к П. Л. Лаврову ¹. Печатаемые ниже четыре письма Плеханова к тому же адресату ² являются ценнейшим дополнением к публикации 1921 г.

Если к только что указанным 26 письмам добавить еще одно письмо Плеханова, напечатанное в 1933 г. в № 7—8 «Литературного Наследства» ³, то перед нами будут все известные до сих пор письма Г. В. Плеханова к его старшему товарищу по революционной работе — П. Л. Лаврову.

Письма Плеханова к Лаврову относятся к первому десятилетию эмигрантского периода жизни Плеханова (1880—1889); погодное распределение их в пределах этого десятилетия крайне неравномерно: из 27 писем 24 относятся к первым четырем годам десятилетия и лишь три к остальным шести годам. Такое хронологическое распределение писем Плеханова не случайно: оно отражает эволюцию взаимоотношений между основоположником русской социал-демократии и теоретиком революционного народничества.

Письма Плеханова к Лаврову — материал исключительной важности для характеристики этой эволюции. В этом легко убедиться, проследив основные этапы сближения и расхождения Плеханова с Лавровым.

I

Плеханов сблизился с Лавровым в 1880 г., когда совместно со своими товарищами по «Черному Переделу» В. Засулич, Л. Дейчем и Я. Стефановичем оставил пределы России и превратился в эмигранта. Если до этого Плеханов и встречался с Лавровым во время своего пребывания за границей в 1877 г., то встречи их носили случайный характер и не давали повода к сближению. Поэтому в землевольческий период своей жизни Плеханов судил о Лаврове не столько по личным впечатлениям от встреч с ним, сколько по его сочинениям и по столкновению с людьми, именовавшими себя его учениками и последователями.

Несомненно, что, еще живя в России, Плеханов читал «Исторические письма» и другие произведения Лаврова, а также был знаком с его журналом и газетой «Вперед». Прямых высказываний Плеханова того времени о Лаврове и о его политической программе до нас не дошло. Тем не менее, не рискуя впасть в ошибку, мы можем утверждать, что отношение Плеханова к Лаврову и его революционной теории было глубоко отрицательным. Мы знаем, что мыслями Плеханова в землевольческий период его деятельности безраздельно владел другой теоретик революционного народничества — апостол анархизма М. А. Бакунин. Естественно, что в верном последователе идей Бакунина, каким вырисовывается перед нами Плеханов по его статьям того времени, программа, развиваемая Лавровым на страницах «Вперед», не могла не вызывать враждебного отношения. Это сказалось при встрече Плеханова с учениками Лаврова.